

Введение

Замысел этой книги возник не вдруг и не сразу, а складывался в ходе выполнения целого ряда циклов теоретических и методологических исследований, посвященных самым разным, но всегда весьма значимым предметам психологического исследования – структурно-функциональной организации деятельности, системе психических процессов, структуре и сущности сознания, специфике и принципам организации индивидуальных качеств личности, природе субъективной реальности в целом и др. В процессе их реализации постепенно, но неуклонно складывалось сначала ощущение, а затем – и убеждение, согласно которому очень важную роль в их организации играет время как таковое во всей полноте его проявлений; время как то, что обозначается понятиями временной координаты, временного измерения реальности, причем, не только объективной, но и субъективной. Оно, являясь атрибутом любой реальности, неразрывно сопряжено с ней и с ее основными экспликациями – в том числе, и теми, которые зафиксированы в отмеченных выше предметах психологического изучения.

Так, в частности, уже при исследовании одной из наиболее общих и традиционных для отечественной психологии проблем – проблемы *деятельности* по мере его углубления все более полно и рельефно раскрывалось то обстоятельство, что она не может быть раскрыта и объяснена с необходимой степенью полноты без выявления ее собственно временной – темпоральной организации. Более того, суть дела заключается еще и в том, что она в целом и является такой системой, которая в значительной мере построена на основе принципов темпоральной организации, то есть выступает своеобразным воплощением временной организации; она является не только структурно-содержательным, но и специфически временным образованием. В самом деле, одной из наиболее важных – атрибутивных особенностей деятельности является то, что достижение ее общей цели в принципе невозможно посредством какого-либо одного, отдельно взятого, «единичного» акта взаимодействия субъекта и объекта. Деятельность потому и дифференцируется на части – действия, а затем интегрируется из них, что ее общая цель предполагает множественность целого ряда, так сказать, «квантов» взаимодействия

субъекта и объекта. Каждый из них вносит свой парциальный вклад в ее достижение, а кумуляция этих вкладов и делает возможным достижение самой цели.

Другими словами, невозможность непосредственного достижения общей цели деятельности в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени (так сказать, симультанного ее достижения) разумеется, отнюдь не означает невозможности такого достижения вообще. Это становится возможным, благодаря механизму сукцессирования взаимодействия – его дифференциации на временные «кванты». Вместе с тем, сама суть деятельности как раз и заключается в том, что, выступая актуально – в каждый конкретный, отдельно взятый момент времени в форме действия, в целом она представлена как организованная последовательность этих частных действий. Они непосредственно сменяют друг друга и являются предпосылками, основаниями друг для друга.

В силу этого, именно темпоральная – собственно процессуальная организация деятельности составляет один из основных ее атрибутов, важнейшее условие и даже залог ее эффективности и вообще – реализуемости в целом. Необходимость в ней является и нормативным императивом, поскольку в содержание нормативно-одобренного способа деятельности как раз и включается, прежде всего, ее временная регламентация. Именно временная *последовательность*, точнее – временная структура действий, составляет саму *суть* деятельности как таковой; обуславливает существование *процесса* деятельности проявление собственной временной организации. Тем самым эта организация в значительной степени транспонирует на себя и основные свойства параметра времени в целом. «Ось времени», с одной стороны, и временная структура деятельности, с другой, оказываются принципиально подобными; вторая, фактически, воспроизводит первую. К чертам такого принципиального подобия следует отнести следующие атрибуты: одномерность, однонаправленность, непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальную квантифицируемость (дискретность), «дление» (продолжительность) и др. Тем самым, процесс деятельности оказывается в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобен и даже *изоморфен* «оси времени». *Деятельность* выступает и как *длительность*, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму деятельности, фактически, *является* ей. Деятельность эксплицируется

и как средство *приспособления* к объективному времени, и как средство, *порождающее* субъективное время, а также – в определенной мере и как средство активного, субъективного контроля за ним.

Еще более очевидна теснейшая и также атрибутивная сопряженность категории времени с другим важнейшим предметом психологического исследования – системой психических *процессов*. Именно они обычно вообще рассматриваются в качестве главной «составляющей» психики в целом и потому – в качестве того, что репрезентирует ее сущность и организацию. Однако именно психические процессы как раз и являются такой «составляющей» психики, которая имеет *атрибутивно* темпоральный характер и вообще является *воплощением* темпоральности в ее наиболее явном и полном виде и форме. Дело в том, что сама специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов представляет закономерно организованную последовательность ряда этапов и стадий. Именно временное структурирование – диахроническая организация лежит в основе любого процесса именно как процесса, а в определенной степени и порождает сам процесс. Таким образом, один из наиболее фундаментальных атрибутов реальности оказывается не только органично и полно воплощенным в организации психики, но и представлен в ней в аналогичном, то есть также базовом, определяющем модусе – процессуальном, в категории психических процессов. Поэтому столь фундаментальным по своей значимости является и обстоятельство, согласно которому именно процессуальная форма является, фактически, воплощением одного из базовых типов организации в целом и системности, частности, – временной. Сама категория процесса в целом и понятие когнитивных процессов, в особенности, как раз и фиксирует тот фундаментальный факт, что их атрибутивной чертой выступает именно воплощенность в них данного типа организации. Они не просто основываются на ней как на объективно необходимом для функциональной организации психического средстве, но сами и выступают ее специфическим выражением. Психические процессы в целом и когнитивные процессы, в частности, – это и есть конкретные формы реализации временной организации. Процессуальная и, следовательно, временная форма существования – это и есть реальная онтология психического.

Сама же *временная* организация является при этом не *следствием*, не эпифеноменом, характеризующим организацию того или иного процесса (его функциональную организацию), а *детерминантой* того, что он выступает именно в форме процесса в непосредственном смысле указанного понятия. Столь же органична сопряженность категории времени с другим тесно связанным с понятием процессов и также базовым для психологии понятием и, соответственно, с той реальностью, которая в нем зафиксирована – с психическими *функциями*.

Очень показательно, что аналогичная сопряженность представлена и по отношению к такому предмету психологического исследования, который вообще полагается – и по праву наиболее сложным и интегративным, а одновременно в максимальной степени воплощающим в себе специфичность и даже уникальность организации психического в целом – *сознанию*. Дело в том, что само время всегда является органично связанным – «сцепленным» с его онтологическим носителем, с той сущностью, в отношении которой оно представлено, то есть, фактически, с бытием как таковым (используя термин Ф. Brentano – «сращенным» с ним). Именно это, кстати говоря, составляет основной пафос трактовки времени М. Хайдеггером и даже отражено в самом названии его главного труда – «Бытие и время». Время является не только атрибутом любой реальности, но и порождается ей, является функцией от ее бытия как такового, причем, повторяем, не только от бытия объективной реальности, но и реальности субъективной. Однако она сама, как известно, в значительной мере и становится таковой, благодаря сознанию. Дело в том, что именно оно – это и есть то, благодаря чему психическое как одна из форм бытия обретает свою – пусть и специфическую, но все же именно реальность – субъективную. Это то, благодаря чему оно из вещи-в-себе трансформируется в вещь-для-себя, то есть порождает атрибут самоданности, а потому самости и субъектности и предстает как специфическая реальность – субъективная, во многом отличная от объективной реальности. Другими словами, именно благодаря сознанию, и порождается та – новая и дополнительная по отношению к объективной реальности – субъективная. Однако именно это и означает, что на нее также должно быть транспонировано наиболее общее свойство времени – его сопряженность с любой реальностью, производность от нее. Там и тогда, где и когда возникает она сама,

возникает и субъективное время; возникает же она во многом и даже – в решающей степени именно как субъективная реальность благодаря сознанию. Понятия сознания и субъективного времени оказываются взаимопологаемыми и взаимопорождающими в такой же степени, в какой в аналогичных отношениях находятся понятия объективного времени и бытия в целом. Сознание, конституируя субъективную реальность, в значительной степени вообще порождает субъективное время как атрибут реальности – но уже именно субъективной. Оно с предельной очевидностью эксплицируется и как атрибутивно временное понятие – как то, что во многом порождает и саму субъективную реальность, и время как атрибут этой реальности.

Разумеется, можно и далее приводить иллюстрации подобного рода, демонстрирующие атрибутивную связь важнейших предметов психологического исследования и категории времени. Так, скажем, если обратиться к максимально обобщенному из них – к понятию личности, то оказывается, что эта связь также представлена в достаточно очевидной форме. Действительно, уже то качество, которое рассматривается в теории не просто как одно из личностных свойств, то есть как рядовое, а как наиболее значимое и определяющее для личности в целом – *направленность*, также атрибутивно сопряжено с категорией времени. Дело в том, что направленность – это не только содержательная характеристика личности, образованная совокупностью доминантных мотивационно-ценностных установок, но и ее характеристика собственно временного плана. Направленность – это то, что выступает для нее целями и ориентировками и на что она направлена также и во временном отношении. Следовательно, она включает в себя один из базовых модусов времени – будущее. Аналогичным образом обстоит дело и с понятием самоактуализации как столь же атрибутивно временным, поскольку именно она придает динамичность самому бытию личности, а следовательно и вплетает в него параметр времени.

Все приведенные выше, равно как и многие иные примеры, фактически, не оставляют сомнения в том, что параметр времени – временная координата реальности как ее атрибут, причем, реальности не только объективной, но и субъективной, действительно, неразрывно сопряжена с базовыми «составляющими» психики. Более того, она не просто сопряжена с ними, но и, по существу, вплетена в их организацию, а еще точнее – в известной мере составляет ее сущность, ее

временную развертку. Даже этимология важнейших понятий психологии – например, понятий процессов и функций отражает эту сопряженность. Многие, а не исключено и подавляющее большинство или даже – все базовые образования психики попросту не могут существовать, не будучи организованными во времени, а сама временная организация должна быть поэтому осознана и раскрыта как *критически* значимое условие их бытия. Эти заключения, следуя с необходимостью из современных представлений об организации важнейших предметов психологического исследования и выступая поэтому не только как достаточно обоснованные, но и как вполне естественные и даже необходимые, не встречаются, однако, адекватного отклика со стороны существующих теоретических представлений в тех областях и направлениях, в которых они традиционно изучаются. Действительно, одной из явных и не вполне объяснимых особенностей психологической *теории деятельности* (независимо от ее конкретных вариантов) является весьма слабый учет ей категории времени, недопустимо слабая раскрытость темпоральных закономерностей и механизмов ее организации. При этом нельзя, конечно, говорить о том, что им вообще не уделяется внимания; дело в другом – в том, что это внимание совершенно не соответствует той огромной роли, которую они играют в ее организации. Время как атрибут деятельности – как ее онтологическое основание не отображено на гносеологическом уровне – в психологической теории деятельности.

Аналогичным, но еще более явным образом такая недостаточность должна быть констатирована и по отношению к тому, каким образом параметр времени учитывается в исследованиях *психических процессов* в целом и когнитивных, в особенности. Ни одна из существующих в этом плане концепций, фактически, не включает и не раскрывает параметр времени как базовый и определяющий для организации процессуального содержания психического. Во избежание недоразумений, подчеркнем, что речь идет вовсе не о том, что данный параметр вообще не учитывается в их исследованиях, а только о том, что их масштаб и глубина явно непропорциональны реальной роли временной координаты, категории времени в их организации. Все существующие концепции психических процессов – это, так сказать, субстанциональные, структурно-содержательные, а не темпоральные по своей сути концепции.

Далее, принципиально та же ситуация должна быть констатирована и по отношению к современному состоянию психологии *сознания*, хотя здесь ситуация является несколько более специфической. С одной стороны, в собственно психологических – конкретно-научных исследованиях проблемы сознания, действительно, параметр времени, равно как и категория времени в целом, представлены явно недостаточно. Современные концепции сознания – это отнюдь не темпорально-ориентированные, не временные концепции, а сам параметр времени отнюдь не составляет в них предмет пристального внимания. Однако, с другой стороны, в исследованиях иной ориентации – преимущественно философской и уж тем более в самой философии категория времени все же включается в разработку проблемы сознания и, кроме того, является для них традиционной. Кроме того, сама философия времени создает для психологии запрос на конкретно-научные исследования времени как детерминанты сознания – запрос, который, однако, так и остается без должной реакции со стороны психологи сознания.

Таким образом, с очевидностью эксплицируется наиболее общее и принципиальное обстоятельство – отсутствие необходимых концептуальных и иных контактов между важнейшими областями психологических исследований и разработанными в них теориями, с одной стороны, и категорией времени, с другой. Они не только не синтезированы в должной мере, но и характеризуются ощутимым концептуальным разрывом. Существующие теории разрабатываются в значительной мере вне и без опоры на такую сущность, которая является атрибутом любой реальности, в том числе, и субъективной в частности и той, которая составляет предмет каждой из существующих теорий. Именно это и является столь же труднообъяснимым, сколь недопустимым и даже не естественным.

Вместе с тем, в действительности, сложившаяся ситуация является еще более сложной и эту сложность нельзя не учитывать, а, наоборот, ее следует эксплицировать и учитывать в дальнейших исследованиях. Она состоит в том, что констатированную выше несинтезированность вовсе нельзя трактовать как то, что во всех отмеченных теориях и направлениях параметр времени не учитывается и не изучается вообще. Как раз наоборот, он исследуется, причем, достаточно полно и с позиций понятия психических процессов, и по отношению к организации деятельности и др. Дело в другом –

в том, как именно он учитывается и исследуется. А исследуется он, в основном, как то, что *связано* с этим параметром и на что он сам *влияет*. Время – прежде всего, субъективное рассматривается в качестве *предмета* исследования, в качестве фактора, который влияет на те или иные образования и который сам испытывает воздействия с их стороны. Причем, на первый взгляд, представляется, что именно такая постановка проблемы является не только наиболее естественной, но даже единственно возможной. Дело, однако, в том, что это, по-видимому, не так, а время – как атрибут субъективной реальности и как его базовая координата может выступать и реально выступает не только как предмет исследования. Оно выступает и одним из факторов организации многих психических образований и структур; точнее, сопряженная с ним специфическая – временная, темпоральная организация является одним из *средств* их организации в целом. Поэтому существующая сегодня – традиционная психология времени, рассматривающая его как предмет исследования, должна быть дополнена иным гносеологическим планом. Он направлен на то, чтобы понять время не только как феномен, но и как детерминанту и, не исключено, фактор собственной – внутренней организации психического, то есть в его собственно *операционной*, организационной функции – как то, что вплетено в организацию психики и составляет ее атрибут. Предпосылки для этого, как следует из проведенных исследований, в том числе и наших, существуют уже сейчас. Однако для того, чтобы они из разряда предпосылок перешли в разряд действительных концептуальных средств, необходимо специальное исследование, которое и составляет основную цель данной работы.

Очень показательно, далее, что аналогичной логикой развертывания характеризуются не только теоретические исследования, но и разработки собственно *методологического* плана, которые, впрочем, тесно связаны с первыми и, более того, выступают в качестве средства обобщения и осмысления их результатов. В этом плане можно констатировать следующую – также демонстративную по отношению к современному состоянию данной проблемы ситуацию. Как известно, и в психологии в целом и в тех ее разделах и направлениях, которые связаны с разработкой отмеченных выше важнейших проблем (деятельности, сознания, психических процессов, личности и др.) на протяжении последнего – достаточно длительного

периода их разработки доминировала методология *системности*, системный подход в целом. Констатируя это, мы, конечно, сознаем всю реальную сложность гносеологической ситуации, связанной с логикой развития системного подхода, с его «судьбой», с аргументами за и против него и т. п. Речь, однако, идет не о том, чтобы дискутировать здесь по их поводу, а о том, чтобы зафиксировать сам факт важной роли данного подхода в их разработке и, главное – то, к чему она привела, а еще важнее – не привела. И в этом плане достаточно явно предстают две особенности методологического плана – два обобщающих результата, к которым привели многочисленные варианты реализации методологии системности в психологии.

Во-первых, одним из «несовершенств» традиционных вариантов системного подхода как раз и является недостаточный учет в них параметра времени; отсутствие в них не только специальных методологических средств его изучения, но и даже должного внимания к нему. В связи с этим, возникает вполне логичное предположение, что сами традиционные варианты системного подхода, не исключено, отнюдь не лишены принципиальных недостатков и, следовательно, не только допускают, но и требуют их развития. Оно должно быть, в частности, таким, чтобы позволять реализовывать исследование параметра времени как атрибута систем и важнейшего фактора их организации.

Во-вторых, в еще более общем плане следует констатировать, что в системном походе категория времени вообще во многом просто обойдена вниманием, а он остается практически не реализованным по отношению к этой категории, к временной координате реальности. Складывается достаточно парадоксальная ситуация, при которой такой – предельно общий методологический подход, каковым и выступает методология системности, остается практически не реализованным по отношению к аналогичной – столь же предельно обобщенной координате и даже атрибуту реальности, как время. Та область исследования, которую можно обозначить как «системность и время», остается до сих пор одной из наименее разработанных. Следовательно, тот концептуальный разрыв, но уже не только теоретический, но и методологический существует и по отношению к проблеме времени, с одной стороны, и системному подходу, с другой. Безусловно, у этого обстоятельства, наряду со многими иными – в том числе, и традиционными, существует целый ряд весьма имплицитных

причин, связанных со специфичностью и даже уникальностью времени как предмета научного исследования в целом и реализации по отношению к нему системного подхода, в частности. Среди них можно отметить, например, принципиальные трудности определения его системного статуса, экспликации его интегративных свойств – системных качеств, реализации по отношению к нему основных принципов системной организации – в частности, принципа структурно-уровневой организации. Однако, такая – выраженная специфичность не должна все же, по-видимому, рассматриваться как причина отказа от возможности реализации данного подхода по отношению к категории времени вообще. Вместе с тем, именно в связи с этим выводом вновь эксплицируется уже отмеченное выше принципиальное обстоятельство. Для того, чтобы методология системности, действительно, могла быть реализована по отношению к категории времени, он сам должен быть подвергнут развитию и совершенствованию – причем, не исключено, такому, которое потребует достаточно существенной корректировки и даже трансформации его ключевых положений.

Другими словами, это заключение приводит и к такому выводу, который был сделан нами ранее по отношению к логике развития представлений о способах реализации методологии системности в исследовании целого ряда иных предметов психологического изучения. Эта логика состоит в том, что для их адекватного раскрытия системный подход не только может, но и должен быть реализован, но при условии его собственной кардинальной трансформации. Он должен быть преобразован в такой его – неклассический вариант, который получил в наших работах обозначение *метасистемного* подхода. Он, повторяем, был реализован нами ранее по отношению к целому ряду значимых предметов и зарекомендовал себя в качестве достаточно конструктивного методологического средства. В связи с этим, есть основания считать, что он окажется таковым, то есть достаточно продуктивным и по отношению к еще одному – но уже предельно общему предмету, каковым и выступает категория времени как атрибут субъективной реальности. Вместе с тем, то, как именно он должен быть реализован по отношению к ней и как он должен быть модифицирован под влиянием ее специфики, является самостоятельной и очень сложной задачей, которая также выступает одной из основных в данной работе.

Кроме того, объективная сопряженность времени как общего атрибута реальности со столь же общей методологией – с системным подходом высвечивает не только те особенности, самого времени, которые затрудняют реализацию этого подхода по отношению к нему. Наряду с этим, еще более зримо предстают и иные – также специфические особенности времени как предмета исследования в целом и психологического времени, в частности. Их экспликация, на наш взгляд, также необходима уже с самых первых шагов исследования, а сами они должны быть зафиксированы в качестве установочных – в качестве ориентиров для решения основных задач данной работы в целом. Дело еще и в том, что многие из них являются не просто специфичными и даже уникальными, но и отчасти – парадоксальными и трудными не только для исследования, но даже и понимания. Отметим некоторые из них.

Относительно несложным, но требующим внимания является обстоятельство, согласно которому в психологии времени сложился целый ряд понятийных стереотипов и штампов, терминологических оборотов и даже своего рода «мифов» не только не способствующих ее разработке, но и препятствующих ей. Так, прежде всего, уже сам базовый конструкт – *восприятие* времени отнюдь не лишен метафоричности и даже парадоксальности, которая, впрочем, давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений и возражений. Она состоит в том, что именно время является такой сущностью, которая носит принципиально вневещественный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть трудности состоит в том, что несмотря на «невоспринимаемость», оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального и загадочного свойства психики, которое состоит в наличии способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность очень высокой степени сложности, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивность к идеальному.

То же самое следует констатировать и по отношению к еще одному терминологическому стереотипу – понятию «отражение времени». В его адрес должны быть высказаны все те возражения, которые существуют по отношению к предыдущему термину, но с еще

одним дополнением. Оно состоит в том, что именно по отношению к времени парадигма отражения (как исходно реактивная и потому – относительно пассивная) обладает наибольшими ограничениями. Субъективное время – и в каждом индивидуальном случае, и время вообще – как надындивидуальная реальность, как категория вовсе не *отражается*, а *порождается* – и в онтогенезе, и в еще более очевидной форме – в социогенезе. Впрочем, это также классическая проблема, связанная с оппозицией конструктивизма и объективного реализма в трактовке времени, равно как и иных категорий и понятий. Метафоричен и термин «приспособление ко времени». Дело в том, что адаптация в любом случае осуществляется вовсе не по отношению к самому времени, а к той среде – к ее организации, в которой функционирует личность, к тем содержательным параметрам, которыми она характеризуется. Поэтому время не *дано*, а *задано* организацией тех материальных сущностей, которые, в свою очередь, непосредственно даны. И уж совсем метафорическими являются те обороты, которыми пестрит «народная психология»: время – судья, время лечит и пр. Конечно, судит и лечит не время, а все то, что оно вмещает. Все эти метафоры, не лишённые, конечно, основания и оправданные в определенных пределах, все же являются разными проявлениями того, что можно обозначить как «ошибка субстанционализации» или ошибка онтологизации времени, поскольку время – это не сама онтология (реальность), а ее атрибут. Отсюда, кстати говоря, производны и живучие представления о загадочности времени, о его непонятности, непостижимости. Сложность, однако, в том, что эти представления – своего рода презумпция загадочности все же в определенном смысле оправданны. Дело в том, что через них и в них, действительно, проявляется такая загадочность, таинственность, но не самого времени, а того, что в нем заключено и что им высвечивается, то есть самого бытия, эксплицирующего через него свою еще бóльшую сложность и непостижимость.

Далее, по отношению к этой проблеме как нельзя более остро формулируется и вопрос о существовании (или не существовании) самого предмета исследования как некоторой объективной реальности. Это – наиболее общая и трудная проблема всей науки о времени, равно как и вненаучных (житейских и религиозных) представлений. В максимально общем плане эта проблема сопряжена и с основным вопросом

философии. Общий смысл этих трудностей зафиксирован, как известно, в «вечной» проблеме, состоящей в том, существует ли время как таковое, а ее содержание как раз и сводится к тому, чтобы обосновать онтологический статус самой реальности, которая зафиксирована в этой категории. Существует ли время как нечто объективное – вне-субъектное, а категория времени – это отражение и фиксация данной объективной реальности? Или же оно – не *отражение* реальности, а продукт *порождения* со стороны самого субъекта, то есть реальность исходно не объективная, а субъективная? Она, к тому же, может не только выступать продуктом субъектного конструирования, но и лежать в основе этого конструирования (что зафиксировано в понятии априорных категорий познания И. Канта). Известно также, что эта проблема является источником дифференциации двух основных концепций времени – объективистской и релятивистской. В этом плане используются даже выражения «устранение времени», «элиминация времени», «исчезновение времени», «выдуманность времени» и т. п. Тем самым, признание парадигмы порождения во многом равносильно идеалистичному варианту решения основного вопроса философии, а признание парадигмы отражения – его материалистическому варианту. Время, точнее его понимание выступает как критерий решения данного вопроса, в чем проявляется еще одна грань его значимости.

Наряду с этим, следует зафиксировать в качестве исходного, а затем – учитывать в ходе последующего анализа (и по возможности объяснить) еще одну особенность времени. Ничто не обладает столь же несомненной субъективной очевидностью – причем, такой, которая не только не требует дополнительных средств для своего обоснования, но сама и является этим обоснованием, сколь и невозможностью выступать в качестве непосредственного продукта, результата отражения, как время. Оно столь же ощущаемо – чувственно, сколь и сверхчувственно, недоступно ощущению в традиционном смысле.

Еще одна, хотя и не уникальная, но все же очень характерная особенность предмета исследования в психологии времени состоит в том, что он обладает свойством «вездесущести». Точно так же как нет «времени без сущности», нет и вневременных сущностей, а потому любой компонент объективной и субъективной реальности представлен во времени и, так или иначе, включает временную координату в свою организацию. Следовательно, в предмет психологии

времени должны быть включены, по существу, все основные предметы психологии в целом. Тем самым, предмет первой получает свойство распределенности по предмету второй; он не только растворяется в предмете второй, но и поглощается им, а тем самым начинает характеризоваться и свойством «ускользаемости». Имеет место известная в гносеологии ситуация «исчезновения предмета», которая, в действительности, свидетельствует о том, что исчезает не предмет, а наши упрощенные представления о нем. Кстати говоря, именно с этим сопряжена и одна из основных трудностей не только содержательного, но и композиционного плана, которую также необходимо предварительно отметить и впоследствии учитывать. Она состоит в том, что чем глубже и детальнее – конкретнее становится собственно темпоральный анализ тех или иных прелатов психологического исследования, тем в большей степени они трансформируются в субстанциональный. Это означает, что попытки выявления специфически темпоральных закономерностей всегда и неуклонно приводят к необходимости выявления закономерностей субстанциональной организации предметов исследования. Сама же темпоральная организация эксплицируется не только как сопряженная с субстанциональной, но и полностью производная от нее, а точнее – как ее аспект, одна из сторон. Однако в этом есть и свои плюсы, поскольку выявление темпоральной организации может быть понято и как средство проникновения в субстанциональные основы изучаемого предмета. В силу этого при рассмотрении собственно темпоральных аспектов организации с необходимостью приходилось обращаться к закономерностям собственно субстанционального плана, что делало это рассмотрение и объемным и не всегда напрямую соотносящимся непосредственно с временной проблематикой.

В связи с этим, по отношению к уровню конкретно-научного исследования проблемы времени, в отличие от философского уровня, категория времени не может и не должна рассматриваться в качестве априорной – доопытной. Напротив, она должна реализовываться в ее *апостериорном* статусе – как уже прошедшая опосредствование бытием и наполненная субстанциональностью, как получившая свою привязку к реальному носителю и окрашенная его закономерностями – более того, как выступающая формой их собственного существования и экспликации в научном познании. Поэтому данная

работа, будучи задумана изначально как книга *про* время, по мере ее написания – так сказать, с течением времени, во все большей мере становилась книгой *не совсем* про время, а иногда – и *совсем не* про время. И в этом, повторяем, нет никакой ошибки – той, которая обозначается как подмена предмета или его «скольжение»; напротив, в этом проявляется объективная логика его собственного развертывания – так сказать, движение от феноменологического уровня познания к сущностному, ноуменальному. В этом проявляется не уход от проблемы, а переход вглубь нее. Точно так же как любое бытие «погружено» во время, а само оно неотрывно от бытия, практически все его особенности и закономерности им же и детерминированы. Соответственно, его организация может быть раскрыта и понята только на основе выявления именно этих – бытийных закономерностей самого носителя времени. Поэтому, чем глубже и детализированнее становился проводимый анализ субъективного времени, тем в большей степени он трансформировался в содержательно-субстанциональный, направленный на выявление и интерпретацию структурно-функциональной организации психики в целом и ее основных «составляющих» как носителей времени – фактически, его атрибутантов. В связи с этим, кстати говоря, эксплицируется очень важная особенность проблемы субъективного времени. Она выступает не только в своем *предметном* статусе – как то, что подлежит исследованию, но и в методологическом статусе – в качестве *метода* (разумеется, в широком смысле) раскрытия закономерностей всех иных типов и категорий, характеризующих структурно-функциональную организацию и генетическую динамику практически любых объектов психологического исследования. Они – эти закономерности с необходимостью и даже – неумолимостью просвечиваются сквозь призму времени, а оно, в свою очередь, их же и высвечивает, выступая важным дополнительным каналом проникновения в их суть и содержание.

Разумеется, при обращении к проблеме времени в ее собственно *психологическом* аспекте необходимо учитывать и целый ряд очень значимых и очень характерных особенностей проблемы времени, но уже как *общенаучной*. Так, во-первых, она имеет действительно такой – общенаучный характер, причем, представленный с максимальной степенью выраженности и является поэтому по своему статусу *междисциплинарной*. В свою очередь, этот ее статус обуславливает как

позитивные, так и некоторые негативные моменты, точнее – трудности ее разработки. Первые связаны с тем, что, являясь междисциплинарной, а значит – разрабатываемой, так сказать, «широким фронтом», она характеризуется и комплексностью, многоаспектностью ее разработки, возможностью взаимообогащения результатов, получаемых в различных дисциплинах. Вторые связаны с известными сложностями, обозначаемыми как «трудности межъязыкового перевода». Они состоят в проблематичности синтеза данных, представленных в существенно разном терминологическом и понятийном аппарате, используемом в разных – подчас очень далеких друг от друга дисциплинах, не говоря уже о еще более существенных сложностях, обусловленных различиями в предметной ориентации и спецификации времени в них. Во-вторых, эта проблема носит и междисциплинарный *внутрипсихологический* характер, поскольку она разрабатывается в целом ряде направлений и отраслей самой психологии. Тем самым, возникают аналогичные трудности синтеза данных, хотя, конечно, представленные в меньше степени, чем в предыдущем случае. В-третьих, данная проблема принципиально синтетична и в еще одном – пожалуй, максимально общем плане: она является столь же конкретно-научной, в том числе – психологической, сколь и философской. Иначе говоря, она синтетична еще и в аспекте взаимосвязи двух качественно разных уровней познания – конкретно-научного и философского. Найдется достаточно мало других проблем, которые были бы столь органично и психологическими и философскими, как проблема времени. Более того, найдется еще меньше, но уже собственно психологических проблем, по отношению к которым роль философских традиций и парадигм их разработки не только сопоставима с ролью собственно психологических подходов, но в ряде случаев даже превосходит их. Философия времени – это отнюдь не только прошлое проблемы времени в психологии, она и ее настоящее и, возможно, будущее. В-четвертых, необходимо, конечно, учитывать и еще один аспект принципиальной синтетичности данной проблемы – ее неразрывную связь уже не с таким – более общим планом изучения, каковым является собственно философское познание, а с еще более широким контекстом – вненаучным. Он включает в себя беспрецедентный по объему и разнообразию спектр знаний о времени, сложившихся в религиозных представлениях, а также в различных эзотерических течениях. Они также аккумулируют в себе,

хотя и в специфическом виде, важнейшие познавательные результаты понимания феномена времени и должны быть учтены при реализации собственно научных подходов к его изучению, что особенно актуально для психологического познания. Наконец, в-пятых, при оценке статуса данной проблемы как принципиально синтетичной, а также ее роли в структуре как научного, так и философского познания, следует учитывать еще одну тенденцию, особенно отчетливо проявляющуюся на современном этапе ее развития. Она состоит в существенном возрастании внимания к ней и интенсификации проводимых исследований, равно как и в попытках формулировки принципиально новых подходов к ее разработке. Как справедливо отмечают в этой связи И. Пригожин и И. Стенгерс, «сегодня происходит своего рода концептуальная революция – наука вновь открывает для себя время» [445].

Во всех этих и многих иных – также характерных особенностей времени как предмета исследования проявляется не только его беспрецедентная сложность, но и явная специфичность, а сами они подразделяются на две группы. Первая включает те особенности, которые являются общими у нее и у ряда иных – также фундаментальных общенаучных проблем (распределенность предмета, его ускользаемость от анализа, множественность экспликаций и пр.). Вторая включает те, которые являются специфическими и даже уникальными для нее (например, специфика онтологического статуса, принципиальная несамостоятельность – «сцепленность» с субстанциональной основой и пр.). Все они в своей совокупности, а также в связи со сложной и противоречивой историей развития данной проблемы – и в философии и в конкретных науках, во многом и обусловили то состояние, в котором она находится сегодня. Одной из главных и определяющих черт этого состояния и является та ситуация несинтезированнойности и даже в известном смысле – концептуального разрыва между ней и существующими – основными психологическими теориями и методологическими подходами к их разработке, которая была констатирована выше. Однако именно в связи с этим вполне отчетливо вырисовывается и основная перспектива возможного преодоления данной ситуации – направленность тех исследований, которые должны вступить как приоритетные. Она, по нашему мнению, имеет двуединый характер.

С одной стороны, необходима реальная ассимиляция целым рядом основных – существующих сегодня психологических теорий

категории времени; включение ими ее в свой концептуальный состав. Однако это должно происходить не только и даже не столько как ее включение в качестве некоторого внешнеположенного предмета исследования, сколько как базовой – реальной и глубинной детерминанты организации и функционирования их собственного предмета, как внутреннего – аутохтонного фактора его собственной организации. Существующие теории – теория деятельности, теории сознания, концепции когнитивных процессов и др., сохраняя свой статус – как ориентированных на раскрытие субстанциональных основ своего предмета и свою исходную направленность на выявление содержательных особенностей и закономерностей, должны быть дополнены и их ориентацией на раскрытие специфически временной организации предметов изучения, стать и темпоральными по своему характеру. Сама же психология времени также должна быть сориентирована и на то, чтобы стать одной из органичных и существенных «составляющих» более общих и широких теоретических представлений, зафиксированных в этих концепциях. Она должна включать ее данные в их базовые теоретические представления, в их общий концептуальный строй и состав.

С другой стороны, и общая методология разработки проблемы времени должна быть существенно трансформирована, а одним из основных и определяющих направлений этого может и должна быть реализация по отношению к ней принцип системного подхода, но при соблюдении двух существенных условий. Первое состоит в том, что должен быть преодолен еще более выраженный разрыв между ним и исследованиями времени как в психологии, так и в иных дисциплинах, а также в философии, чем это констатировано по отношению к теоретическому уровню данной проблемы. Для этого сам он должен быть подвергнут определенной – не исключено, весьма существенной корректировке и приведению к виду, позволяющему конструктивно включить в него категорию времени и осуществить разработку специфических методологических средств, релевантных ее специфике и частично уникальности. И именно с этим обстоятельством связано второе условие – сама категория времени в целом и понятие субъективного времени, в особенности, должно быть подвергнуто исследованию в таком направлении и раскрыто в таком плане, который бы позволил эксплицировать специфику его статуса как

предмета системного изучения. Другими словами, необходимо выявить, каким образом существующие в системном подходе методологические средства и понятийные возможности релевантны категории времени и каким образом они могут быть модифицированы в целях ее дальнейшего изучения. При этом также не исключено, что такая корректировка может носить отнюдь не косметический характер, а потребовать достаточно существенных изменений традиционных представлений и понятийных стереотипов.

В связи с этим весьма показательно и то, что к аналогичным выводам привела логика развития целого ряда иных и также очень важных, даже определяющих проблем и направлений психологического исследования, в том числе и тех, которые были подвергнуты изучению и в наших работах. Это, как отмечалось выше, проблема деятельности, сознания, психических процессов, личности. Все они как раз и эксплицировали необходимость реализации указанной двуединой перспективы их разработки. Она, наряду с развитием их собственного концептуального содержания, предполагает и модификацию методологических оснований их разработки – причем, не «вообще», не как абстрактную необходимость, а во вполне конкретном, хотя также весьма общем виде – в виде совершенствования и углубления методологии системности в направлении ее трансформации в методологию метасистемного подхода. Именно этот подход – метасистемный, разработанный нами ранее и реализованный по отношению к отмеченным базовым предметам психологического исследования продемонстрировал свою конструктивность и, следовательно, возможность (а по нашему мнению и необходимость) его распространения на иные, также определяющие сферы психологической проблематики – в частности, на проблему субъективного времени. Решающим фактором такой конструктивности выступило то, что он позволяет преодолеть целый ряд принципиальных трудностей и противоречий, которыми характеризуются традиционные – классические варианты системного подхода и содержит в себе такие концептуальные и методологические средства, которые более релевантны специфике предметов собственно психологического исследования. Разумеется, во Введении неуместно давать ни его характеристику, ни то, каким образом он может и должен быть реализован по отношению к проблеме времени, поскольку именно это и состав-

ляет, собственно говоря, основное содержание всей данной работы. Пока необходимо зафиксировать лишь то, что именно такая реализация как раз и является приоритетным направлением разработки проблемы субъективного времени, а по отношению к ней в качестве базовой должна выступить методология метасистемного подхода.

Данное положение неразрывно связано с другим – также установочным обстоятельством, которое необходимо зафиксировать во Введении, поскольку оно затрагивает организацию всей этой работы. Одной из наиболее характерных особенностей современного состояния проблемы субъективного времени является множество частных подходов к ее разработке и, соответственно – частных концепций в данной области. Однако в существенно меньшей степени представлены работы обобщающего характера, направленные на их концептуальный синтез, а в перспективе – на разработку обобщающей психологической теории субъективного времени. В связи с этим, объективно наиболее важным для дальнейшей конструктивной разработки данной проблемы выступает попытка разработки целостных, то есть именно *обобщающих концептуальных* представлений по ней. При этом, однако, возникает очень сложный, а одновременно и важный вопрос о том, что именно должно представлять собой такое концептуальное обобщение? Какой должна быть общая организация и структура самой обобщающей теории субъективного времени? По каким основным направлениям она должна строиться? Понятно, что данные вопросы непосредственно связаны и с еще более общей, по существу, общегносеологической проблемой – с проблемой того, что представляет собой само *теоретическое* знание, какова должна быть структура теорий как таковых?

При ее решении следует руководствоваться положением, согласно которому построение целостных, обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений должно обязательно предполагать раскрытие предмета исследования в его *основных*, объективно главных гносеологических планах. Ими, однако, как раз и являются те планы – аспекты исследования, которые составляют в своей совокупности алгоритм системного исследования, разработанный в русле метасистемного подхода – *онтологический, структурный, функциональный, генетический и интегративный*. Лишь в этом случае на гносеологическом уровне, то есть в самих теоретических пред-

ставлениях, онтологический уровень (содержание изучаемого предмета) получает свою репрезентацию не только во всех его объективно главных планах и в аспекте его базовых категорий закономерностей, но и *принципиально целостно*. Сам предмет исследования, характеризующийся целостностью и системностью организации, аналогичным образом, то есть также целостно воспроизводится – отображается на уровне теоретических представлений о нем. Однако, именно такое – целостное, концептуально-обобщенное знание и есть ключевой признак теории как таковой. Само знание о предмете уже не как конгломерат отдельных аспектов, а как система становится таковой лишь в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; теория – это знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте, позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения.

Сформулированные выше положения методологического характера не только могут, но и, на наш взгляд, обязательно должны быть реализованы при разработке представлений об *общей стратегии* дальнейшей разработки проблемы субъективного времени. Это означает, что данная стратегия должна быть состоять в последовательности реализации по отношению к проблеме субъективного времени пяти отмеченных основных гносеологических планов – метасистемного, структурного, функционального, генетического, интегративного. Именно данная стратегия определила структуру и содержание всей данной работы, равно как и содержание тех вопросов, которые являются приоритетными в ней. Она же легла и в основу ее композиционного построения, которое как раз и состоит в реализации указанных выше пяти основных этапов и, соответственно, гносеологических аспектов проблемы субъективного времени. При этом подчеркнем, что прежде чем и для того, чтобы эта реализация была и обоснованной и по возможности конструктивной она должна обя-

зательно предваряться достаточно развернутым анализом истории развития и современного состояния данной проблемы, материалы которого составляют содержание первой главы.

Во второй главе дается характеристика методологических основ представленного исследования – рассматривается сущность и содержание метасистемного подхода как. В отношении данной главы, необходимо, однако, сделать следующее пояснение. Дело в том, что характеристика метасистемного подхода – и в более развернутом, и в более лаконичном варианте уже неоднократно была осуществлена нами в целом ряде предыдущих публикаций (см., например, в [248, 256]). В силу этого, на первый взгляд, представляется излишним, так сказать, «в очередной раз» обращаться к этому вопросу. Вместе с тем, поскольку практически все последующее изложение непосредственно и очень многопланово связано с основными положениями данного подхода и, более того, во многом базируется на нем, то включение в книгу данной главы выступило, фактически, как необходимость (хотя, повторяем, и не вполне желательная). Учитывая это, в данной главе представлены, во-первых, лишь наиболее значимые и общие положения метасистемного подхода. Во-вторых, акцент при его характеристике сделан, прежде всего, на тех его аспектах, которые в наибольшей мере и наиболее непосредственно соответствуют основным задачам данной работы¹.

В третьей главе по отношению к проблеме субъективного времени реализованы два тесно взаимосвязанных – базовых и отправных этапов (соответственно – планов) исследования, предписываемых этим подходом, – метасистемный и структурный. Так, именно первый из них направлен на решение ключевых и определяющих для всего последующего исследования и раскрытия всех иных сторон изучаемого предмета вопросов. Ими являются вопросы о его сущности и специфике, о его статусе как системного образования, о его реальной онтологии – детерминантах его существования и включенность в контекст более общих по отношению к нему и также реально – онтологически представленных метасистем. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данный этап и, повторяем, план

¹ Более того, если читатель уже имеет представления о сущности данного подхода, то дальнейшее ознакомление с данной работой можно продолжить с третьей главы.

исследования по отношению к проблеме субъективного времени весьма специфичен и отличается от традиционной постановки и общепризнанных способов ее разработки. Дело в том, что, согласно традициям, ее исследование направлено, главным образом или даже практически полностью на сам этот предмет – субъективное время, но уже на то, что *уже существует*, уже есть – как факт и реальность, которая, собственно, и подлежит исследованию. Впрочем, именно так обстоит дело и с исследованием времени в целом – не субъективного, а объективного: эти исследования исходят из его существования как уже свершившегося факта, хотя есть и попытки выхода за эту традицию. Они направлены на то, чтобы исследовать не время как нечто уже существующее, а само его *возникновение* – выявить те детерминанты, которые лежат в основе этого. Понятно, что такая постановка данной проблемы весьма нетрадиционна и, на первый взгляд, не вполне обоснована и даже понятна, входит в противоречие со многими стереотипами как научными, так и содержащимися в обыденном познании.

Вместе с тем, будучи обоснованным даже по отношению к физическому времени (в шуточной, но не лишенной смысла форме это отметил Б. Я. Зельдович: «Были времена, когда времени не было» [211]), данный вопрос становится уже совершенно очевидным по отношению к субъективному времени. Дело в том, что в каждом отдельно взятом случае формирования и развития индивидуальной психики субъективное время – в том его виде, в каком оно представлено как предмет психологического исследования вначале именно формируется – возникает, порождается, и лишь затем и на основе этого обретает статус предмета психологии времени. Следовательно, основной исследовательский вопрос и вообще – сама суть проблемы субъективного времени переносится в иную плоскость – в плоскость выяснения того, как оно возникает, как порождается сам феномен времени – и субъективного и объективного. Именно этот вопрос может быть поставлен и решен, хотя, разумеется, лишь частично и в определенном приближении с позиций реализации по отношению к нему метасистемного плана исследования. Тот вариант решения, который следует из результатов этой реализации, как раз и составляет основное содержание данной главы.

Далее, в этой же главе проблема субъективного времени рассматривается в следующем и также определяющем аспекте – *структур-*

ном². Ее ключевым положением, определяющим и ее содержание, и ее направленность, является верификация общетеоретической гипотезы, согласно которой в основе структурной организации субъективного времени лежит специфически системный принцип – принцип структурно-уровневой организации, а сама она может быть эксплицирована с позиций представлений о целостной иерархии ряда основных соподчиненных уровней.

В четвертой главе по отношению к проблеме субъективного времени реализован еще один и также очень значимый план исследования – *функциональный*, который, к тому же, по понятным причинам, вообще выступает наиболее конгруэнтным специфике «идеи времени» – его нестационарности, диахроничности – тому, что иногда обозначается термином «дление». Дело в том, что функциональность и темпоральность (представленность во времени) – это вообще ваимополагаемые и отчасти синонимичные понятия. Функциональность возможна только во временном измерении, а само время любой системы всегда представлено не как абстрактная сущность, а в привязке к функционированию, и даже, фактически, как само это функционирование. В основе материалов данной главы, также как и в основе предыдущей, лежит базовое предположение, определяющее ее содержание и направленность. Им выступает гипотеза о том, что, наряду с традиционно исследуемым типом системности – субстанциональной, существует и еще один ее тип – темпоральная, то есть временная системность, которая, в свою очередь, лежит в основе функциональной организации психических процессов и феноменов, образований и структур.

В пятой главе по отношению к проблеме субъективного времени реализован следующий гносеологический план исследования – *генетический*. Он направлен, с одной стороны, на выявление закономерностей формирования и развития субъективного времени, а с другой, на то, чтобы выяснить, каким образом сам его генезис вплетен

² При этом, разумеется, возникает вполне естественный вопрос – почему два таких основных и определяющих аспекта – метасистемный и структурный объединены в одной главе? Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что он сопряжен с очень важными и требующими самостоятельного и специального рассмотрения обстоятельствами, которые вскрывают саму суть организации и специфики субъективного времени. Оно и будет осуществлено в ходе последующего изложения.

в генезис иных – определяющих компонентов психики и каким образом раскрытие темпоральных закономерностей генетического плана может содействовать раскрытию общих закономерностей генезиса психических образований. Следовательно, в основе и этой главы также лежит еще одна общая установка, определяющая ее содержание и направленность. Она состоит в том, чтобы понять и реализовать генетическое исследование субъективного времени не только как предмет изучения, но и как метод раскрытия иных – более общих закономерностей генезиса психики и ее основных компонентов.

Наконец, в шестой главе реализован заключительный этап общей процедуры исследования – *интегративный*. Он, как известно, направлен на выявление критически значимых, важнейших свойств предмета исследования – его интегративных, то есть системных качеств. Именно они лежат в основе того главного, что есть в любом предмете – качественной определенности, то есть того, «благодаря чему нечто является тем, чем оно является» (Г. В. Гегель [137]). По отношению к субъективному времени данная проблема конкретизируется до вопроса о том, как и почему субъективное время обретает свои основные атрибуты – прежде всего, тот, который и составляет его субъективную данность – чувствительность к нему и его не просто непосредственную ощущаемость, но и такую, которая является и наиболее очевидной и наиболее естественной. Прочему, несмотря на отсутствие реально представленного онтологического «объекта отражения», оно все же является непосредственно ощущаемым и составляющим непреложную сторону любой субъективной реальности – как оно, так сказать, окачествляется и становится не просто фрагментом субъектной реальности, но и ее основой – ее реальной онтологией. В основе этой главы, также как и предыдущих, лежит определенная установка методологического плана, обуславливающая ее содержание и направленность. Она состоит в том, что, поскольку ее основной целью является решение вопроса о качественной определенности предмета исследования, то методологией его решения должна выступать соответствующая его содержанию методология качественного анализа как такого подхода, который выступает еще более общим, нежели сам системный подход. Данное обстоятельство нередко забывается в настоящее время, хотя оно критически значимо для расширения эвристических возможностей самого системного подхода. Дело в том, что именно оно позволяет синтезировать системный подход

с тем богатым концептуальным багажом, который содержится в методологии качественно анализа и с базовой общенаучной категории *качества*, которая, в свою очередь, вообще является основной «единицей» познания (В. П. Кузьмин [311]).

Итак, можно видеть, что каждая из глав посвящена тому или иному основному, базовому гносеологическому плану исследования проблемы субъективного времени. Поэтому они, с одной стороны, относительно самодостаточны, но лишь в той мере, в какой сами основные гносеологические планы изучения любого предмета (в данном случае – субъективного времени) вообще дифференцируются в научном познании как базовые и качественно специфические. С другой стороны, все эти планы, несмотря на их основополагающий характер, являются все же именно гносеологическими по своей природе. Они выступают, хотя и как предельно обобщенные, но все же именно как срезы, аспекты, «призмы видения» единого в *онтологическом* отношении предмета исследования. В связи с этим, все главы, конечно, теснейшим образом взаимосвязаны. Их единство заключается в том, что они – именно в своей совокупности есть не что иное, как отображение на концептуальном уровне онтологического единства самого предмета исследования (деятельности).

Вместе с тем, именно такое их единство – гармонизированность и взаимосвязанность сопряжена не только с объективно позитивными моментами, но и таит в себе неизбежные моменты негативного плана. Их суть связана с тем, что именно онтологическое единство основных планов и их взаимопроникновение друг в друга обуславливают необходимость при анализе того или иного из них обращения ко всем иным. Так, например, объективно невозможно раскрыть закономерности функциональной организации субъективного времени (то есть реализовать функциональный план исследования) без опоры на раскрытие (и, соответственно – изложение) закономерностей его структурной организации. Аналогично этому, генетическая динамика формирования субъективного времени «нераскрываема» вне развернутого изложения особенностей его структурной и функциональной организации. Тем самым возникают практически неустраняемые, неизбежные повторы и, соответственно, необходимость дублирования материалов – их повторяющегося рассмотрения (хотя, конечно, и в разных ракурсах по отношению к различным аспектам данной

проблемы). Эта особенность носит объективный характер; она поэтому полностью практически неустранима, что мы вполне осознаем. Она, в частности, обусловила и достаточно большой объем материалов данной работы; и необходимость в повторном обращении к уже в значительной мере рассмотренным вопросам; и даже дублирование некоторых фрагментов изложения. Вместе с тем, мы полагаем, что это – все же «меньшее зло», нежели фрагментарность и неполнота раскрытия каждого из гносеологических планов.

С этим обстоятельством связана и еще одна особенность данной работы. Дело в том, что она, как отмечалось выше, имеет достаточно длительную предысторию, поскольку рассматривающиеся в ней вопросы постоянно и в течение длительного времени возникали при исследовании целого ряда иных и, как правило, определяющих проблем – деятельности, сознания, психических процессов, структуры личности и др. Поэтому она в известном смысле является своего рода «ответом» на них. В силу этого, с необходимостью приходилось систематически обращаться к тем работам, в которых представлены результаты их исследования. Это также обусловило достаточно объемный характер данной работы, равно и как то, что она в известном смысле носит характер антологии уже выполненных исследований, точнее – их обобщением.

В отношении композиционного построения данной работы необходимо отметить также следующее обстоятельство. Она состоит из двух томов; в первом из них объединены, соответственно, три первые из указанных выше глав, а во втором – три другие. Вместе с тем, вся эта работа представляет собой, по существу, единое целое, а сама дифференциация на два тома связана в значительной мере лишь с обстоятельствами чисто технического плана – прежде всего, с достаточно большим объемом материалов, которые потребовалось привлечь для достижения ее основных целей. В силу такого единства, в обоих томах сохранена единая нумерация глав, они имеют общее Введение и Заключение, а также общий список литературных источников (хотя, конечно, конкретная источниковая база в них существенно различна).

В заключение хотелось бы сделать и некоторые замечания субъективного характера. Выше уже отмечалось, что замысел этой книги оформлялся достаточно долго и не был первоначально какой-то особой – специально сформулированной целью. Напротив, он вызревал постепенно и параллельно с исследованием целым рядом иных –

иногда вообще не связанных с временной проблематикой вопросов. Однако, на определенном этапе их развертывания их же собственная логика постепенно, но неуклонно стала приводить к такой необходимости. Она именно *привела* к ней, а то, как это произошло – именно шло, происходило в течение длительного времени. Тем самым эксплицируются два обстоятельства. Первое – инвариантный характер самой необходимости обращения к категории времени, независимо от того, какая проблема исходно выступает в качестве предмета исследования – своего рода, неотвратимость такого обращения. Это подтверждает и фундаментальность самого времени как неотъемлемого компонента любой реальности и, следовательно, невозможность или недопустимость его неучета, хотя иногда и на относительно поздних этапах разработки проблем. Второе – темпоральный аспект разработки психологической проблематики выполняет интегративную функцию, поскольку в нем синтезируются общие для очень разных в предметном содержании объектах закономерности – собственно темпоральные. Время, являясь атрибутом реальности – в том числе, и субъективной, интегрирует эту реальность в онтологическую целостность, которая через психологию времени должна быть воспроизведена и на гносеологическом уровне – в форме *единой* теории субъективного времени³. В ней оно должно быть эксплицировано не только в его традиционном виде – как предмет исследования, но и в его глубинном предназначении – в качестве одной из базовых детерминант и, возможно, операционных средств организации психики и ее составляющих. Понятно, что пока все эти положения носят по необходимости характер предположений. Однако вся суть ситуации как раз и состоит в том, чтобы сделать их предметом специального рассмотрения, направленного на то, чтобы трансформировать их из статуса предположений в статус обоснованных положений,

В еще более субъективном плане отмечу, что, поскольку замысел книги оформлялся постепенно, а его первоначальные наброски возникли достаточно давно, но они все же не позволяли «рискнуть» приступить к его осуществлению, то можно сказать и так: в определенное время все же настало время, чтобы потратить время на книгу про время.

³ Используя философскую терминологию, следует подчеркнуть, что оно качественно реальность – в том числе, и субъективную.